

УДК 343.8

Козаев Нодар Шотаевич

доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника по учебной и научной работе,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
nkosaev@mail.ru

Рясов Дмитрий Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
ryasov_dmitriy@mail.ru

Nodar Sh. Kozaev

Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Stavropol Branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia for Academic and scientific work
nkosaev@mail.ru

Dmitriy A. Ryasov

candidate of law, associate Professor,
associate Professor of the Department of criminal law and criminology
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia
ryasov_dmitriy@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

**CRIMINAL LAW POLICY OF RUSSIA IN THE FIELD OF
COUNTERING MODERN FORMS OF ORGANIZED CRIME**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных форм организованной преступности. Раскрываются юридико-технические аспекты конструирования норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ. Проанализированы проблемы судебной и следственной практики по делам о преступлениях против общественной безопасности, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, а также предложены варианты повышения эффективности нормативно-правового обеспечения деятельности органов власти в контексте противодействия современным формам организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, преступный профессионализм, преступное сообщество, предупреждение преступности, структура организованной преступности, преступная иерархия.

Annotation. *The article discusses the features of modern forms of organized crime. The article reveals the legal and technical aspects of the construction of the norms of criminal legislation regulating responsibility for a crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of judicial and investigative practice in cases of crimes against public safety containing signs of a crime under art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as options for improving the effectiveness of regulatory and legal support for the activities of authorities in the context of countering modern forms of organized crime.*

Key words: *organized crime, criminal professionalism, criminal community, crime prevention, structure of organized crime, criminal hierarchy.*

Организованная преступность – это особый вид преступности, отличающийся устойчивостью и стабильностью состава, строгой иерархичностью между членами группы, значительностью состава, распределением ролей и функций между участниками группы, наличием цели, как правило, корыстной.

Безусловно, преступление, совершенное организованной группой, имеет большую общественную опасность – это отражено почти во всех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): в квалифицированные составы преступлений вынесен квалифицирующий признак «совершенное организованной группой».

Современные формы организованной преступной деятельности все чаще приобретают транснациональный характер, что позволяет говорить, в контексте международной организованной преступности, которая, в свою очередь, является угрозой как для конкретно взятого государства, так и для мира, в целом, именно поэтому была создана Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности[1].

Претерпев существенные изменения в видовом и качественном содержании, преступность продемонстрировала присущий ей признак исторической изменчивости и проявила способность приспосабливаться к происходящим в стране и обществе преобразованиям.

Изменения, затронувшие систему общественных отношений, как внутри страны, так и в масштабе международных отношений продемонстрировали возросшую необходимость в поиске новых мер противодействия организованным формам преступности.

Более трех лет назад, 1 апреля 2019 года, УК РФ был дополнен новой статьей 210¹, содержание которой представляло собой логическое продолжение положений, ранее сформулированных в квалифицированном составе ч.4, ст. 210 УК РФ, обеспечивающего дифференциацию уголовной ответственности за осуществление руководящей деятельности в составе преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии[2].

Отмеченная законодательная инициатива, во многом была обусловлена, необходимостью укрепления правовых основ деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с организованной преступностью. Основная идея данных поправок состояла в ликвидации, укоренившейся в преступном мире, вертикали управления преступной деятельностью, верхушку которой, со времен советского государства, составляла криминальная элита, именуемая «Ворами в законе».

Несмотря на то, что в структуре современной преступности кражи давно перестали занимать лидирующие позиции, а в структуре преступников, «Воров» потеснили «Хакеры», лидеры преступных кланов по-прежнему именуют себя «Ворами в законе».

Внесенные поправки в уголовное законодательство привели к криминализации самого статуса «Вора в законе», т.е. фактического занятия высшего положения в преступной иерархии.

Следует отметить, что законодательная конструкция нормы, получившей закрепление в ст. 210¹ УК РФ вызвала широкую дискуссию в научном сообществе и поставила, не мало, вопросов перед правоприменителями.

Тем не менее, по прошествии времени, можно говорить о накопившемся опыте применения данной нормы, через призму решенных и не решенных проблем.

Основной проблемой стало определение специальных признаков субъекта данного преступления, а именно занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Очевидно, что законодатель не мог употреблять принятый в преступном мире и ставший общеупотребимыми термин «Вор в законе», в виду того, что он является жаргонизмом. Вместе с тем, вряд ли можно было бы найти более удачное определение его качественному содержанию, позволяющему одновременно обозначить объем полномочий реализуемых в сфере преступной деятельности и формулировать в соответствии с принятыми юридико-техническими легальными формами выражения. Но в данном случае, сравнения не допустимы, так как термин со временем не потеряет свою негативную окраску. Более того, использование такого термина как «воры в законе» в уголовном законе приведет к ситуации, что определение такого понятия можно будет встретить в словаре русского языка, а не в словаре жаргонизмов, как сейчас. И тогда под термином «закон» придется понимать не только ныне существующий смысл этого слова, но и «закон» в смысле понимания «воров в законе» - «воровской закон», что некорректно.

Как указывалось ранее, термин «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», является синонимом термина «вор в законе», так как именно по своему функционалу, указанная категория преступников представляют собой «криминальную элиту» и наделены максимально широкими полномочиями в области руководства преступной деятельностью.

Представляется верным, что законодатель не желал ограничить круг субъектов, которые могли бы подлежать уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ. Но в связи с тем, что понятие, указанное в уголовном законе, криминологическое, то его уголовно-правовой смысл не ясен, даже Верховный Суд Российской Федерации говорит только о признаках, а не дает определение данного понятия. Полагаем, это связано с тем, что этот термин не отвечает целям и задачам, которые изначально ставил перед собой законодатель.

Термин, используемый в криминологической науке, получивший применение для конструирования диспозиции статьи 210¹ УК РФ, не в полной мере отвечает поставленным изначально целям и задачам.

В контексте рассматриваемых вопросов, интерес представляет мотивировочная часть приговора № 1-16/2016 1-322/2015 от 15 января 2016 г. по делу № 1-16/2016[3], где указано: «Для организации и создания преступного сообщества (преступной организации) прибыли неустановленные следствием лица, которые занимали высшее положение в преступной иерархии, так называемые «воры в законе», и представлявшие преступные интересы воровского клана».

Этот приговор вызывает особый интерес в связи с тем, что суд, приходя к выводу о тождественности терминов «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», и «вор в законе» отмечает, что они являются синонимами.

Доктрина уголовного закона, представлена рядом авторских позиций, содержание которых представляют интерес в контексте рассматриваемых вопросов. Так, одним из вариантов решения указанной проблемы В.А. Попов, считает возможным элиминировать данные признаки субъекта преступления в связи с их криминологической природой и оценочным характером в целях устранения дополнительных, искусственно созданных трудностей в процессе правоприменения [4, с. 32].

Такое же мнение высказывает С.Д. Белоцерковский: «положенцы» и «смотрящие» являются специальными субъектами, предусмотренными в ст. 210¹ УК РФ, а «вор в законе» является специальным субъектом, предусмотренным в ст. 210¹ УК РФ [5, с. 11].

Все это существует на уровне теоретических воззрений, мнений конкретных ученых, а четкого и регламентированного закрепления в УК РФ или других нормативно-правовых актах, в настоящее время не содержится. Все аспекты, которые связаны с привлечением к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ должны быть дополнительно урегулированы.

Полагаем, что заимствование криминологической терминологии, в некоторой степени, размывает сложившееся представление о системе источниковой базы используемой при конструировании уголовно-правовых норм.

Нерешенность данного вопроса, по прежнему вынуждает суды самостоятельно толковать тот термин, который указан в ст. 210¹ УК РФ. Как мы видим, не всегда толкования являются систематизированными, между

судами, отсутствует единообразие судебного толкования – это лишь подтверждает уже высказанный тезис о том, что пробел в указанной части уголовного закона не устранен.

Полагаем, что решение указанной проблемы возможно посредством легального толкования соответствующего признака и разъяснения его содержания в формате примечания к соответствующей норме. Для целей разъяснения необходимо консультироваться со специалистами, которые занимаются проблемой «воров в законе» и организованными группами, созданными ими, для систематизации и выявления всех тех признаков им функций, которые обладают общественной опасностью. Безусловно, для такого тщательного анализа необходимо углубленно изучить внутренние проблемы и специфику такой деятельности, в некотором роде ее урегулировать. Но без подробного нормативного закрепления норма не будет работать – правоприменителям необходимо опираться на конкретные действия, которые должны быть нормативно закреплены. В этом же нормативно-правовом акте или в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ будет необходимо разъяснить правоприменителям, что термин «воры в законе» является полным синонимом к термину «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»[6, с. 53].

При формулировании соответствующего разъяснения следует исходить из объема полномочий, обладание которыми предполагает статус лица занимающего высшее положение в преступной иерархии, а именно его ключевую роль в организации деятельности преступного сообщества.

В качестве варианта решения затронутой проблемы может быть формулирование соответствующего определения, и его закрепления в качестве 3 примечания к ст. 210 УК РФ следующим образом: «Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса следует понимать лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее общее руководство преступным сообществом (организацией), координирующее его преступную деятельность, наделенное правом голоса при участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) по вопросам осуществления преступной деятельности».

Такое урегулирование проблемы позволит разрешить множество задач:

1) лица, ныне не подлежащие уголовной ответственности, будут обладать необходимым объемом деликтоспособности, учитывающей характер и степень общественной опасности, осуществляемой ими деятельности;

2) к уголовной ответственности будут привлекаться не только сами «воры в законе», но и «положенцы», «смотрящие», и так далее - не будет важен статус лица в криминальном мире, а важны лишь общественно опасные действия, те функции, которые они исполняют;

3) в уголовном законе не будет использован жаргонизм, благодаря бланкетной диспозиции.

В противном случае, ситуация меняться не будет, также, как и ужесточение борьбы с организованной преступностью, а цели провозглашенные законодателем в пояснительной записке к внесению изменений в ст. 210 УК РФ останутся декларативными. Также как сейчас, лица, обладающие статусом «вора в законе», будут консолидировать вокруг себя большой круг лиц и открыто заявлять, что они являются «ворами в законе», и по-прежнему исполнять те функции, которые характерны для этого статуса[7, с. 163].

Еще одной проблемой в практике применения рассматриваемой нормы является возникшая конкуренция с преступлением, предусмотренным ч. 4 ст. 210 УК РФ. Устанавливая ответственность за совершение преступления лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, законодатель, желая того или нет, установил конкуренцию со ст. 210¹ УК РФ – формально эти деяния всегда будут образовывать идеальную совокупность.

С точки зрения научных основ квалификации преступлений, было бы неправильно говорить о совокупности, но этот вывод на сегодняшний день неочевиден. Изменение диспозиции ст. 210¹ УК РФ и отражение в ней конкретных общественно опасных деяний позволило бы разграничить данные составы и в случае совершения поименованных в статье действий можно было бы говорить о реальной совокупности преступлений[5 – С. 6].

В настоящий момент уголовный закон в части противодействия организованной преступности вне всяких сомнений требует изменений. Но при введении в уголовный закон новой нормы необходимо исходить из того, что помимо материального права есть процессуальное, и правоприменители не должны сталкиваться с проблемами в аспекте доказывания совершения виновным преступления - для этого необходимы разъяснения.

Для разрешения сложившихся на практике проблем, все же, следует определиться с целью действия ст. 210¹ УК РФ:

1. Если целью является привлечение к более строгой ответственности «воров в законе», которые создали и (или) руководили преступным сообществом – то менять существующую диспозицию бессмысленно, так как альтернатив термину «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в нормативно-правовом определении не существует.

2. Если целью является привлечение к ответственности лиц, которые обладают авторитетом в данной организованной преступной группе за счет чего повышается общественная опасность данного преступного сообщества – то, безусловно, диспозиция требует изменений.

3. Если формирование нормативно-правой основы для осуществления противодействия организованным формам преступной деятельности путем ликвидации верхушки криминальной элиты, то следует заимствовать опыт законодателя Грузии, который ввел в свое уголовное законодательство специальную норму закрепившую основание уголовной ответственности в диспозиции ст. 223.1 УК Грузии, в которой используется термин “კანონის მკვიდრი”, который дословно переводится на русский язык, как «законный вор». Этот термин является абсолютным аналогом термина «вор в

законе», так как иногда «воров в законе» называют «законниками» — это тождественные термины, они являются синонимами[8. с. 84].

Исходя из прямого толкования текста уголовного закона и правоприменительной практики, можно прийти к выводу о том, что сейчас диспозиция ст. 210¹ УК РФ не соответствует изначальной цели законодателя. В процессе изучения релевантной судебной практики был выявлен приговор[9], в рамках которого рассматривалось заключение специалиста, указавшего в заключении лингвистической экспертизы, что «вор в законе» — это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии».

Еще одной особенностью рассматриваемого состава является то, что устанавливая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, законодатель определяет длящийся характер общественно опасного деяния. Начало данного преступления связано с принятием (возложением) полномочий определяющих высшее положение лица в преступной иерархии. Соответственно все время, в течение которого лицо обладало полномочиями, присущими для лидера преступного сообщества (организации), следует признавать временем совершения единого преступления.

Пресечение рассматриваемого преступления посредством предусмотренных законом мер, в принципе, не возможно, поскольку сам факт привлечения лица к уголовной ответственности не является препятствием для продолжения занятия высшего положения в преступной иерархии, поскольку фактическое пребывание лица в местах лишения свободы не препятствует занятию высшего положения в преступной иерархии. В этой связи, продолжающееся занятие высшего положения в преступной иерархии после осуждения лица за данное преступление не может образовывать признаков множественности, в связи с чем, повторное привлечение к уголовной ответственности будет недопустимым по причине прямого нарушения ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

В связи с изложенным, обоснован вывод о том, что ужесточение ответственности за такие преступления имеет под собой объективную потребность. Специфика структуры и деятельности организованных групп демонстрирует, что общественная опасность совершения преступлений в составе организованной группы повышается многократно.

Литература:

1. *Конвенция против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: резолюция 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000 года // Бюллетень международных договоров. – М. – 2005. - №2. - С. 3 - 33. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (Дата обращения: 07.09.2022).*

2. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Официальный сайт*

«Система обеспечения законодательной деятельности» // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения 19.03.2022)

3. Приговор Читинского районного суда (Забайкальский край) от 15 января 2016 г. по делу № 1-16/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SSQmCt8UUxNS/> (дата обращения 19.03.2022)

4. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 4 (30). - С. 50-58.

5. Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения / С.Д. Белоцерковский // Уголовное право. - 2010. - № 2. - С. 11-14.

6. Клейменов М.П. Развитие организованной преступности: явление и определение/ М.П. Клейменов, И.М. Клейменов// Вестник Омского университета. Серия: Право. – Омск – 2017. - № 2. - С. 160-164.

7. Глонти Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе) / Г. Глонти, Г. Лобжанидзе // Тбилиси: TraCCC. – 2004. – 273 с.

8. Приговор Железнодорожного районного суда (город Ростов-на-Дону) от 31 октября 2012г. по делу № 1-163/2012 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru (дата обращения 19.06.2022)

Literature:

1. Convention against Transnational Organized Crime [Electronic resource]: General Assembly resolution 55/25 of 15.11.2000 // Bulletin of International Treaties. – М. - 2005. - № 2. - p. 3 - 33. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (Accessed: 07.09.2022).

2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of countering organized crime: Official website "System of legislative activity support" // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (accessed 19.03.2022)

3. The verdict of the Chita District Court (Zabaikalsky Krai) of January 15, 2016 in case No. 1-16/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SSQmCt8UUxNS/> (accessed 19.03.2022)

4. Grigoriev D.A., Morozov V.I. How to identify a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy? // Legal science and law enforcement practice.- М. - 2014. - № 4 (30). - Pp. 50-58.

5. Belotserkovsky S.D. The new Federal Law on strengthening the fight against criminal communities: commentary and problems of application / S.D. Belotserkovsky // Criminal Law. – М. - 2010. - No. 2. - Pp. 11-14.

6. Kleimenov M.P. Development of organized crime: phenomenon and definition / M.P. Kleimenov, I.M. Kleimenov// Bulletin of Omsk University. Series: Law. – Омск – 2017. - No. 2. - pp. 160-164.

7. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional crime in Georgia (thieves in law) / Glonti, Lobzhanidze // Tbilisi: TraCCC. – 2004. – 273 p

8. *Verdict of the Railway District Court (Rostov-on-Don) dated October 31, 2012 in case no. 1-163/2012 // The document was not published. Access from the ATP Gcourts.ru (accessed 19.06.2022)*